

ОЛЬХОВОЙ Глеб Константинович, аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета. Автор трех научных публикаций*

ВЛАДИМИР ГИЛЯРОВСКИЙ – ФОЛЬКЛОРИСТ

В каждую эпоху появляются собиратели повседневной культуры – так называемые культурные сталкеры, и именно таким видится автору статьи деятельность русского писателя Владимира Алексеевича Гиляровского. Его книга «Москва и москвичи» содержит не только фактический, документальный материал, характеризующий эпоху конца XIX – первой трети XX века, но и фольклорный. В данной статье на материале «Москвы и москвичей» описана фольклористическая работа писателя: выделены собранные и записанные им тексты и обряды. Уникальность этих фольклорных текстов состоит в том, что они переданы с учетом инклюзивности, т. е. включенности в обстоятельства исполнения. Теоретики культуры (Б. Малиновский, Б.Н. Путилов) считали подобный метод наиболее полным и научным. По мнению Б.Н. Путилова, возвращение фольклорным текстам их контекстных связей – главная задача фольклористики. Владимир Гиляровский, не будучи ученым, с этой задачей справился: он интуитивно поступал так, как в дальнейшем будет требовать фольклористика – записывать не только то, что слышал и видел, но и то, что при этом делал исполнитель. В статье атрибутированы фольклорные фрагменты повествования Гиляровского: это семейный обряд, трудовая песня, частушка, семейно-бытовая сказка, драматические действия (раек, балаган, игрище), нарративы о мифологизированных исторических персонажах. Эти и другие фольклорные тексты, представленные Гиляровским, ценны своей инклюзивностью – включенностью фольклорной культуры в общую жизнедеятельность народа.

Ключевые слова: Владимир Гиляровский, «Москва и москвичи», «культурный сталкер», фольклор в литературе, инклюзивность фольклорных текстов.

Среди фактов и свидетельств, характеризующих конкретное время, фольклорная действительность занимает не последнее место. Настроения и отношение к происходящим событиям и акторам выражаются помимо документальных свидетельств в устном творче-

стве: паремиях, частушках, песенных куплетах, нарративах, байках, слухах, молве. Такая дискурсивная практика существовала всегда – меняются только жанровые и видовые формы. Не будучи записанным, фольклор, продукт «скоропортящийся», уйдет навсегда, и грядущие

---

*Адрес: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4; e-mail: gleb.olkhovoy@gmail.com.

Для цитирования: Ольховой Г.К. Владимир Гиляровский – фольклорист // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 1. С. 124–130. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.124

поколения не смогут представить себе в полной мере прошлое страны, города, культуры. Зафиксировать его – миссия культуролога, фольклориста, а подчас и писателя.

В каждую эпоху появляются собиратели повседневной культуры, никем не «подраженные», никаким ведомством не санкционированные. Это «культурные сталкеры» [1], они ходят не академическими тропами – у них собственная карта маршрутов, но итог один – культурное наследие. Если не они, то культура повседневности безвозвратно будет утрачена. А таких сталкеров, увы, немного.

Именно такой фигурой видится нам Владимир Гиляровский. Его «Москва и москвичи», будучи по всем параметрам уникальным текстом, уже существует в интернет-пространстве как гипертекст: все исторические персонажи (писатели, художники, артисты, общественные деятели), локусы Москвы снабжены гиперссылками¹. Однако деятельность Гиляровского как фольклориста не освещена.

В данной статье мы опишем фольклористическую работу писателя – тексты и обряды, собранные и записанные им. Уникальность этих текстов в том, что они переданы с учетом инклюзивности. Инклюзивный метод теоретиками культуры отмечается как наиболее полный, учитывающий обстоятельства его исполнения. Английский антрополог Б. Малиновский писал, что культура – это искусственная, или вторичная, реальность, необходимая человеку для выживания, жизнедеятельности [2]. Малиновский преподавал урок будущим исследователям: поселился среди индейцев, принимая участие в их жизни: буднях и праздниках, – словом, ощущал себя туземцем, что было куда важнее метода опроса². По мысли отечественного фольклориста Б.Н. Путилова, одна из задач фольклористики – возвращение фольклорным текстам их контекстных связей. Для этого надо не только

записывать, что люди рассказывают, но и что они при этом делают: «...этнограф обязан “влезть в шкуру туземца” и, насколько это возможно, стараться увидеть мир его глазами» [3, с. 119].

Для междисциплинарных исследований культуры и истории Москвы первой трети XX века книга «Москва и москвичи» содержит бесценную информацию, в т. ч. фольклорную. Для студентов, только приступающих к изучению фольклорной культуры, эта книга может стать хрестоматией, вобравшей в себя множество устных текстов. Не деревня, на сегодняшний день мало что сохранившая из традиционного фольклора, а именно книга – источник знакомства с былой устной культурой: не только городской, а представляющей некий симбиоз города и деревни (Москва росла за счет деревенских мигрантов, прибывавших в нее в поисках лучшей доли).

Отечественный фольклорист Е.А. Костюхин сказал в интервью: «На мой взгляд, будущее фольклористики не в экспедициях, а прямо перед вами <...> – в архивах» [4]. Добавим: фольклористика не должна обойти вниманием книги, подобные «Москве и москвичам».

Фольклор «не вырождается и не умирает» [5, с. 70], однако, как было сказано, надо успеть (!); и Гиляровский успел: собрал и сохранил, на первый взгляд, вроде бы незначительные детали времени – фольклорные свидетельства. Однако именно эти факты повседневной культуры представляют уникальный срез истории.

Гиляровский запечатлел процесс, связанный с исполнением *трудовых песен*. Как известно из бытования этого жанра фольклора, слова песни влияют не столько на физические усилия рабочих, сколько на их эмоциональное состояние³, успех дела зависит от вовремя и правильно произнесенного текста [3, с. 93]:

«Начали перестраивать Неглинку... <...> Поставили три высоких столба, привезли трид-

---

¹Гиляровский В. «Москва и москвичи» с комментариями, фотографиями и картами. URL: <http://www.gilyarovskiy.ru> (дата обращения: 05.09.2016).

²Шафранская Э.Ф. Устное народное творчество: учеб. пособие для студентов пед. вузов. М., 2008. С. 17.

³Там же. С. 235.

цатипудовую чугунную бабу, спустили вниз на блоке – и запели. <...>

Эй, дубинушка, ухнем, эй, зеленая, подернем!..

Поднимается артелью рабочих чугунная бабища и бьет по свае.

Чем больше собирается народу, тем оживленнее рабочие: они, как и актеры, любят петь и играть при хорошем сборе.

Запевала оживает, – что видит, о том и поет. <...> И ржет публика, и все прибывает толпа⁴. В этом и заключается инклюзивность фольклора.

Гиляровский рассказывает об опальном литераторе, которого погубил фельетон «Раешник»: перед читателем бесценный текст – «раешные стихи». Их можно было услышать от «раешного деда» на ярмарках и в балаганах – такими стихами сопровождалась картинка, прокручиваемые в райке (ящике), – их разглядывали через стекло в отверстии ящика: «Пожалте сюда, поглядите-ка. Хитра купецкая политика. Не хлыщ, не франт, а миллионщик-фабрикант, попить, погулять охочий на каторжный труд, на рабочий. <...> А народ-то фабричный, ко всякой беде привычный, кости да кожа, да испитая рожа. Плохая кормежка да рваная одежка. И подводит живот да бока у рабочего паренька. <...> А в городе хозяин вроде как граф, на пользу ему и штраф, да на прибыль и провизия – кругом, значит, в ремизе я. <...> Лучше некуда!»⁵

Понятна опала фельетониста, последовавшая после публикации этих «раешных стихов», полных сатиры, направленной против социальной несправедливости.

Читаемые в фольклорных сборниках драматические произведения фольклора – в отрыве от бытового контекста – порой выглядят примитивно, воспринимаются умозрительно. Драматическая сценка, представленная Гиляровским, вписана в контекст, потому – живая и комичная. «Популярным в XIX в. было *игрище о барине*.

В основе игрища – пьеска-сценка с произвольным количеством эпизодов. <...> Это диалоги между барином и его слугой. <...> Герои представлены социально полярной парой (хозяин и работник, помещик и мужик): “низкий” персонаж находчив и ироничен, высмеивает барина-недотепу»⁶. Гиляровский записал именно такое игрище – «Старый барин»:

«Никанор Маркелыч! А я к вам с просьбой... Вот это мои друзья – актеры... Представьте нам старого барина. <...>

Он взял большое кресло, отодвинул его в противоположный угол, к окну, сказал “сейчас” и исчез. <...> Через несколько минут легкий стук в дверь, и вошел важный барин в ермолке с кисточкой, в турецком халате с красными шнурами. <...>

– Ванька, трубку!

И вмиг вбежал с трубкой на длиннейшем черешневом чубуке человек с проседью, в подстриженных баках, на одной ноге опорок, на другой – туфля. Подал барину трубку, а сам встал на колени, чиркнул о штаны спичку, зажег бумагу и приложил к трубке.

Барин раскурил и затянулся.

– А мерзавец Прошка где?

– На нем черти воду взяли...

– А! – барин выпустил клуб дыма и задумался.

– Ванька малый! Принеси-ка полштоф водки алой!

– А где ее взять, барин?

– Ах ты, татарин! Возьми в поставе!

– Черт там про тебя ее поставил...

– А шампанское какое у нас есть?

– А которым ворота запирают!

– Что ты сказал? Плохо слышу!

– Что сказал – кобель языком слизал!

– Ванька малый, ты малый бывалый, нет ли для меня у тебя невесты на примете?

– Есть лучше всех на свете, красавица, полпуда навоза на ней таскается. Как поклонится –

⁴Гиляровский В. Избранное: в 3 т. М., 1961. Т. 3. С. 21–22.

⁵Там же. С. 46.

⁶Шафранская Э.Ф. Указ. соч. С. 257.

фунт отломится, как павой пройдет – два нарстет... Одна нога хромая, на один глаз кося, малость конопатая, да зато бо-ога-атая!

– Ну, это не беда, давай ее сюда... А приданое какое?

– Имение большое, не виден конец, а посерединке дворец – два кола вбито, бороной покрыто...»⁷.

У Гиляровского представлен полный и весьма объемный текст драматического действия, заканчивающегося по законам жанра – диалогом с публикой: «Представление окончено; кроме этого, у нас с барином ничего нет...»⁸. (Ср. концовку народной драмы «Царь Максимилиан»: «Вот, почтеннейшая фублика, / Занавеска закрывается, / И представление все кончается, / А ахтерам с вас на чай полагается»⁹.)

Артисты, в частности тот, кто играл Ваньку, поведали культурологу-журналисту, что представление это «весьма старинное и еще во времена крепостного права служило развлечением крепостным, из-за него рисковавшим попасть под розги, а то и в солдаты»¹⁰.

Проходные персонажи Гиляровского встроены в нарративы, услышанные и записанные по сказочному канону. Вот фрагмент, вполне соответствующий семейно-бытовой сказке, или сказке «про жен»:

«Приехал он (половой из трактира. – Г. О.) еще в молодости в деревню на побывку к жене, привез гостинцев. Жена жила в хате одна и кормила небольшого поросенка. На несчастье, когда муж постучался, у жены в гостях был любовник. Испугалась, спрятала она под печку любовника, впустила мужа и не знает, как быть. Тогда она отворила дверь, выгнала поросенка в сени, из сеней на улицу да и закричала мужу:

– Поросенок убежал, лови его! И сама побежала с ним. Любовник в это время ушел,

а сосед всю эту историю видел и рассказал ее в селе, а там односельчане привезли в Москву и дразнили несчастного до старости... Иногда даже плакал старик»¹¹.

Эта запись балансирует между семейно-бытовой сказкой и анекдотом, что закономерно.

Гиляровский не пропускает никаких слухов и пересудов. На глазах читателя, мало знакомого с молвой конца XIX – начала XX века, мифологизируется личность купца Хлудова¹², экзальтированного настолько, что мимо этой личности не смогли пройти такие писатели, как Н.Н. Карзин, А.Н. Островский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой (см. о Хлудове: [6, с. 247–256]). Скорее всего, неординарная личность Хлудова и сюжеты о его эпатажном поведении поначалу стали достоянием молвы, а уж затем обратили на себя внимание русских литераторов, в т. ч. Гиляровского.

Персонажами фольклора становятся как личности, известность которых длится недолго, тем не менее они – характерная деталь эпохи; так и личности, входящие в «вечный» ареопаг культуры. «Заточенный» на фольклор и мифологию повседневности слух Гиляровского зафиксировал фрагмент мифологизации имени «Пушкин» (этот сюжет предшествует тому стихийно-официальному процессу, который начнется в преддверии и после столетия гибели поэта).

За столом один из «общественных деятелей», «выбирая по карточке вина, остановился на напечатанном на ней портрете Пушкина и с возмущением заметил:

– При чем здесь Пушкин? Это профанация!

– Пушкин всегда и при всем. Это великий пророк... Помните его слова, относящиеся и ко мне, и к вам, и ко многим здесь сидящим... Разве не о нас он сказал:

---

⁷Гиляровский В. Избранное. С. 187–189.

⁸Там же. С. 190.

⁹Русская народная драма XVII–XX веков: тексты пьес и описания представлений / ред., вступ. ст. и коммент. П.Н. Беркова. М., 1953. С. 199.

¹⁰Гиляровский В. Избранное. С. 190.

¹¹Там же. С. 352.

¹²Там же. С. 125–128, 168, 322–323.

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!
Говорившего дополнил сосед-весельчак:
– Уж там запишут или не запишут ваши
имена, а вот что Пушкин верно сказал, так это:
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть.
И указал одной рукой на морг, а другой – на
соседний стол, занятый картежниками, шумно
спорившими.
Этот разговор происходил в августе 1917 го-
да...»¹³.

Гиляровский подробно описывает город-
скую свадьбу – именно с позиций фольклори-
ста, этнографа:

«На свадьбу из церкви первыми приезжают
гости. Они входят парами: толстые купчихи
в шелках рядом с мужьями в долгополых сюр-
туках. На некоторых красуются медали “За
усердие”. Молодежь и дамы – под руку. Все
выстраиваются шеренгами возле стен. Ког-
да все установятся, показывается в ливрее,
с жезлом вроде скипетра церемониймейстер,
а вслед за ним, под руку с женихом, невеста
с букетом. <...> Поздравления и тосты. Ино-
гда зазвонит о пол разбитый бокал, что счи-
тается счастливым предзнаменованием. <...>
Начинается чаепитие. Потом часть гостей идет
в соседние комнаты играть в карты. Тогда игра-
ли в стуколку по крупной и по мелкой. <...>
Свадебный генерал говорит поздравительную
речь... Молодежь – барышни и кавалеры –
перекидываются через стол шариками хлеба,
а потом и все принимают участие в этой игре,
и летят через столы головы селедок, корки хле-
ба, а иногда сверкнет и красный рак, украшав-
ший разварного осетра...»¹⁴.

Бесстрастная интонация в описании – по
мере развития «обряда» – сменяется насмешли-
вой, однако структура текста говорит о фольклор-
ристической наблюдательности Гиляровского.

Фольклор, как известно, может носить уз-
копрофессиональный характер и функционал
(то, что в современном дискурсе назвали бы
корпоративным фольклором, или микроком-
муникативным). Данная область фольклора
во множестве представлена в книге «Москва
и москвичи», вот один из примеров:

«А мальчиков половых экзаменовали. По-
дадут чай, а старый буфетчик колотит ногтем
указательного пальца себя по зубам:

– Дай железные!

Или прикажет:

– Дай мне в зубы, чтобы дым пошел!

И опытный мальчик подает ему щипчи-
ки для сахара, приносит папиросы и зажигает
спичку»¹⁵.

О человеке со «странным» поведением, со-
биравшем по трактирам рецепты разных блюд,
народное творчество сохранило такое наблю-
дение-умозаключение в виде частушки:

Видел я архив обжоры,

Он рецептов вкусно жрать

От Кавказа до Ижоры

За сто лет сумел собрать¹⁶.

Поговорки, легенды о чертях, слухи о приви-
дениях, анекдоты, балаган, представленный опи-
санием исполнителей, слушателей и общей ат-
мосферы¹⁷, и много других фольклорных реалий,
помещенных в бытовой контекст, содержится
в книге Гиляровского. Данный пласт повествова-
ния не в последнюю очередь сделал эту уникаль-
ную книгу яркой и объемной: былая Москва пред-
стала в ней полнокровной и поистине народной.

---

¹³Гиляровский В. Избранное. С. 242.

¹⁴Там же. С. 287–288.

¹⁵Там же. С. 363.

¹⁶Там же. С. 124.

¹⁷Там же. С. 74–75.

Список литературы

1. Шафранская Э.Ф. Культурный сталкер. По страницам необычных книг // Рус. яз. и лит. для школьников. 2012. № 5. С. 49–54.
2. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И.В. Утехина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. М., 2005. 184 с.
3. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In memoriam. СПб., 2003. 464 с.
4. Галеева В. От фольклористской романтики к архивной работе // С.-Петерб. ун-т. 2005. № 6–7. 11 апр. URL: <http://www.spbumag.nw.ru/2005/06/21.shtml> (дата обращения: 05.09.2016).
5. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: сб. ст. / пер. с англ.; сост. А.С. Архипова. М., 2003. 279 с.
6. Шафранская Э.Ф. Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб., 2016. 370 с.

References

1. Shafranskaya E.F. Kul'turnyy stalker. Po stranitsam neobychnykh knig [A Cultural Stalker. Through the Pages of Unusual Books]. *Russkiy yazyk i literatura dlya shkol'nikov*, 2012, no. 5, pp. 49–54.
2. Malinowski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [A Scientific Theory of Culture]. Moscow, 2005. 184 p.
3. Putilov B.N. *Fol'klor i narodnaya kul'tura. In memoriam* [Folklore and Folk Culture. In memoriam]. St. Petersburg, 2003. 464 p.
4. Galeeva V. Ot fol'kloristskoy romantiki k arkhivnoy rabote [From Folklorist Romance to Archival Work]. *Sankt-Peterburgskiy universitet*, 2005, no. 6–7. 11 April. Available at: <http://www.spbumag.nw.ru/2005/06/21.shtml> (accessed 5 September 2016).
5. Dundes A. *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz* [Folklore: Semiotics and / or Psychoanalysis]. Moscow, 2003. 279 p.
6. Shafranskaya E.F. *Turkestanskiy tekst v russkoy kul'ture: Kolonial'naya proza Nikolaya Karazina (istoriko-literaturnyy i kul'turno-etnograficheskiy kommentariy)* [Turkestan Text in Russian Culture: Nikolai Karazin's Colonial Prose (Literary, Historical, Cultural and Ethnographic Comment)]. St. Petersburg, 2016. 370 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.124

Gleb K. Ol'khovoy

Moscow City Teacher Training University;
2-y Sel'skokhozyaystvennyy proezd 4, Moscow, 129226, Russian Federation;
e-mail: gleb.olkhovoy@gmail.com

VLADIMIR GILYAROVSKY AS A FOLKLORIST

Every epoch has its collectors of everyday culture, so-called cultural stalkers. The author of this article sees the work of Russian writer Vladimir Gilyarovskiy in this way. His book *Moscow and Muscovites* contains not only documentary material, but also folklore that is characteristic of the late 19th and first third of the 20th century. This article describes Gilyarovskiy's work on folklore by singling out the texts

---

For citation: Ol'khovoy G.K. Vladimir Gilyarovskiy as a Folklorist. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 1, pp. 124–130. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.1.124

and rites, collected and recorded by him. These folklore texts are unique due to the fact that they are included in the circumstances of their performance. Theorists of culture (B. Malinowski, B.N. Putilov) considered this method to be the most comprehensive and scientific. According to Putilov, the key task of folklore studies is to give back contextual relations to folklore texts. Gilyarovsky managed to solve this problem. Not being a scholar, he instinctively did what later became a requirement in folklore studies: he recorded not only what he heard and saw, but also the actions of the performer. This article singles out the following folklore fragments in Gilyarovsky's book: family ritual, worker's song, chastushka, family tale of everyday life, dramatic action (rayok, buffoonery, merrymaking), and narratives about mythologized historical characters. These and other folklore texts presented by Gilyarovsky are valuable in their inclusiveness, i.e. inclusion of folk culture in the general everyday life of the people.

Keywords: *Vladimir Gilyarovsky, Moscow and Muscovites, cultural stalker, folklore in literature, inclusiveness of folklore texts.*

Поступила: 16.09.2016
Received: 16 September 2016